

RU

Культурологические проекции христианского религиозно-мистического опыта

Шугуров М. В., Костина О. В.

Аннотация. Цель исследования - анализ эвристического потенциала постижения религиозно-мистического опыта христианства сквозь призму предмета культурологии. Авторы сосредотачивают внимание на подходе культурологии к данному опыту, который концептуализируется как культурная традиция. Специальное внимание обращается на христианскую мистику в качестве духовного и одновременно культурного наследия. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе места культурологического знания и познания в междисциплинарном пространстве постижения религиозно-мистического опыта христианства. Особое значение придается междисциплинарному взаимодействию культурологии и философии культуры применительно к определению роли мистического опыта в христианской культуре. В результате обосновано, что культурологические проекции христианского религиозно-мистического опыта как предмета культурологии образуют многоаспектную систему, представленную не только разнообразием артефактов, но и уникальной манифестацией трансцендентных основ человеческой культуры.

EN

Culturological Projections of Christian Religious and Mystical Experience

Shugurov M. V., Kostina O. V.

Abstract. The paper aims to analyze the heuristic potential of the Christian religious and mystical experience comprehension through the subject of culturology. The authors focus on the culturological approach to this experience which is conceptualized as a cultural tradition. Particular attention is paid to the Christian mysticism as spiritual and at the same time cultural heritage. The scientific originality of the research consists in the complex analysis of the place of culturological knowledge and cognition in the interdisciplinary space of the Christian religious and mystical experience comprehension. Particular importance is given to the interdisciplinary interaction between culturology and philosophy of culture in relation to defining the role of mystical experience in Christian culture. As a result, it has been proved that culturological projections of the Christian religious and mystical experience as a subject of culturology form a multifaceted system presented not only by the variety of artifacts, but also by the unique manifestation of transcendent basis of human culture.

Введение

К одному из феноменов духовной жизни, который возник и развивался в пространстве христианства, с полным основанием следует отнести христианский религиозно-мистический опыт. Он представляет собой самостоятельную и весьма обширную предметную область исследований, входящую в качестве составной части в пространство изучения мистического опыта человечества как такового, вызывающего неиссякаемый интерес современных исследователей (Жиртуева, 2019; Стобер, 2017). Актуальность исследования определяется тем, что христианский религиозно-мистический опыт, так же как мистический опыт в целом, выступает духовным комплексом, который представлен различными аспектами – историческими, психологическими, религиозно-догматическими, морально-этическими и др. Все они в достаточно высокой степени интенсивности стали предметом изучения соответствующих научных дисциплин, сопряжение исследовательских усилий которых приводит к новому знанию на основе междисциплинарного синтеза.

Не вызывает сомнения и то, что данный опыт весьма интересен для наук о культуре, в частности, для культурологии, представляющей собой внушительный комплекс различных наук (история культуры, социология культуры, антропология культуры, психология культуры и др.), а также для философии культуры, которую иногда рассматривают в качестве теоретической культурологии. Однако простая констатация возможной

вовлеченности тех или иных аспектов религиозно-мистического опыта христианства в пространство культурологического познания по причине объективного наличия его культурологических проекций с необходимостью должна найти свое продолжение в системной теоретической рефлексии специфики подхода наук о культуре к постижению указанного духовного опыта.

Для достижения поставленной цели авторы сформулировали для себя следующие задачи: 1) обосновать возможность и необходимость постижения религиозно-мистического опыта христианства в дисциплинарном пространстве культурологии; 2) определить специфику изучения христианской мистики с точки зрения предмета культурологии; 3) установить место культурологического познания христианской мистики в рамках междисциплинарного пространства исследований.

В процессе достижения указанной цели и решения научных задач в статье были применены следующие методы исследования: герменевтический, позволивший установить смысл христианской мистики как феномена духовной культуры; метод моделирования, ставший основой создания концептуального образа системы аспектов христианского религиозно-мистического опыта, которые входят в предметное поле культурологии.

Теоретическая база исследования, помимо трудов отечественных ученых (Т. В. Малевич (2014), Е. Г. Балагушкин (2008), В. К. Шохин (2017)), представлена работами зарубежных авторов (Т. Мертон (2020), С. McColman (2010), L. Nelstrop, K. Magill (2009), J. R. Mabry (2021)). Синтез разных подходов позволил сформировать авторское видение проблем, анализируемых в статье. В качестве основополагающего теоретического подхода выступила междисциплинарная парадигма.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет, во-первых, более отчетливо и системно осмыслить место христианского религиозно-мистического опыта в культуре, а также понять его смысл в качестве феномена культуры. Во-вторых, результаты исследования будут способствовать полноценному включению культурологического познания в общее мультидисциплинарное пространство постижения христианской мистики и реализации возможностей междисциплинарного синтеза.

Практическая значимость состоит в том, что раскрываемый в статье эпистемологический потенциал культурологии применительно к постижению христианского религиозно-мистического опыта может быть использован в педагогической деятельности в процессе совершенствования преподавания культурологии. В свою очередь, сформулированные выводы создают аргументированную основу для реализации эвристического потенциала диалога между культурологией и другими гуманитарными науками, изучающими христианскую мистику.

Основная часть

Религиозно-мистический опыт христианства, как, впрочем, и иные религиозно-мистические парадигмы, представляет собой феномен культуры в целом и конкретной религиозной культуры в частности. Конечно, мистический опыт, как таковой, не всегда сопряжен с религией. Здесь в качестве примера можно привести оккультизм, эзотеризм, а также разнообразные измененные состояния сознания нерелигиозного характера. В отличие от них содержательное наполнение христианского религиозно-мистического опыта как особого рода духовной практики задается конституитивными параметрами христианской религии, хотя в определенной степени в нем содержались следы до- и нехристианского мистицизма. Одновременно с этим само его понятие имеет собирательный смысл в силу многообразия вариаций, зачастую находящихся в состоянии дивергенции, и существенных различий с точки зрения содержания мистических переживаний и их соответствия официальной догматике.

Подобного рода различия обусловлены не только психологическими особенностями его субъектов, но и разными традициями, которые в той или иной степени соответствовали традициям церковной культуры на Западе и на православном Востоке. В случае западной христианской мистики религиозно-мистический опыт как традиция, имеющая разные направления, находился в весьма напряженном соотношении с церковью, ее догматикой, а также с обычным, т.е. религиозно-обрядовым опытом. В условиях современного угасания христианской религиозной традиции и ее перехода в ячейки социокультурной памяти, заметна попытка отойти от сосредоточения внимания на принципиальных различиях, детерминируемых разными моделями мистической экстастики. Цель такой направленности мысли заключается в обосновании единства великой христианской мистической традиции, представленной западным мистицизмом (Экхарт, Таулер, св. Тереза Аквильская, Беме) и восточно-православным мистическим богословием (каппадокийские отцы, псевдо-Дионисий, Максим Исповедник и др.) (Мертон, 2020, с. 2).

Следует напомнить, что традиции были и остаются предметом изучения культурологии. Причем она не может ограничиться их узким перечнем. В свою очередь, в этот перечень не могут не входить религиозные и мистические традиции. Поэтому культурология, в принципе, может привнести нечто новое в понимание данного опыта. Конечно, главным образом это не его содержание, а такая его сторона, как передача и сохранение во времени. А это и есть функция традиции как одного из механизмов культурного наследования. Разумеется, историко-богословское и религиозно-философское постижение данного опыта вряд ли могут претендовать на выработку знаний об этом механизме. Да это и не входит в их задачу. Поэтому реализация отмеченного подхода, свойственного для культурологии, ведет к выработке новых знаний о способе существования религиозно-мистического опыта во времени исторического развития культуры именно через традицию.

Внесем некоторое уточнение, заключающееся в том, что культурологию более интересует не значение опыта христианской мистики и более того мистического богословия для религии, а значение именно для культуры,

тем не менее пропитанной интенциональными токами соответствующей религии. В этом случае возникает поле для постановки и разрешения вопроса о том, с какими иными феноменами соответствующий религиозно-мистический опыт наиболее тесно связан и оказывает на них то или иное воздействие. Здесь также возникает вопрос о том, какое место рассматриваемый опыт занимает в культуре, имеющей христианские основы. Отмеченное место следует понимать в функциональном смысле.

Помимо механизмов сохранения и трансляции, другим аспектом данного опыта как предмета культурологического познания предстают его объективированные стороны, а именно артефакты, такие как тексты. Они содержат повествования о мистических переживаниях боговдохновенной жизни мистика или подвижника-аскета (Симеон Новый Богослов, 2015), повествования об их жизни, наполненной знаковыми мистическими событиями (Цветочки Франциска Ассизского, 2017), и, наконец, в них отражены результаты духовидения (Сведенборг, 2016). Налицо специфическая литературная традиция, обогащающая литературу на той или иной стадии существования христианства. Разнообразные тексты-артефакты ныне бережно собираются в специальные антологии (Light from Light..., 2001), что позволяет сохранить их в памяти культуры. Разумеется, культурология вправе при опоре на методы литературоведения и языкознания обратить внимание на содержательный строй и жанр данных текстов, переполненных текучей недосказанностью и символизмом. Все это, между прочим, следствие изначальной природы данного опыта, а именно его неопишемости в силу до конца невыразимой в слове экзистенциальной коммуникации человека и Бога, а также по причине чудесного экстаического «восхищения» в запредельный божественный мир.

К предмету культурологических изысканий вполне можно причислить способы распространения данных артефактов и степень их распространенности, а также их влияние в рамках тех или иных религиозных общностей, относящихся к тем или иным деноминациям в составе христианства. Впрочем, в ее предметное поле вполне закономерно входит образ жизни мистиков и подвижников-аскетов с точки зрения его своеобразия по сравнению с образом жизни других верующих, а также их способы коммуникации с последними, как и друг с другом.

Наряду со всем сказанным, отметим, что вряд ли поле культурологических изысканий ограничено одними лишь материальными воплощениями разнообразных видений и иных мистических явлений. Предметная плоскость культурологии в отношении рассматриваемого опыта, в принципе, может концентрироваться не только на его внешней, но и на внутренней стороне, представляющей собой экзистенциальные переживания, для которых была характерна различная степень рационализации. Дело в том, что понимание рассматриваемого опыта как мега-традиции и многообразных традиций в ее составе не может не дополняться углублением в их содержание. Здесь культурология может эксплицировать наиболее общие модели данного опыта, его символический строй, элементы которого имеют не только различия, но и сходства. Но при этом возникает вопрос о том, уместным ли будет обращение ее внимания на анализ смыслов данного опыта, на его интерпретацию, а также на условия, событийные ряды, степень следования религиозной догматике?

Многие исследователи сегодня полагают, что богословские тексты нуждаются в культурологической рефлексии, так как сама религиозная традиция, воплощающаяся в них, заинтересована в общей грамматике при истолковании глубинных смыслов культуры, с которыми в содержательном плане эти богословские тексты соприкасаются. В ряде случаев, нарративные творения субъектов религиозно-мистического опыта образуют собой часть компендиума богословских и религиозно-философских текстов, в некоторых случаях ставших частью Предания. Полагаем, что культурологическое проникновение в содержательно-смысловую и событийно-экзистенциальную сторону мистического опыта не может не иметь определенные пределы: они заданы самим предметом данной научной дисциплины. Здесь важным представляется использование культурологией тех обобщений, к которым приходят науки, которые призваны к проникновению как можно в большее количество элементов, составляющих данный опыт, в том числе в его языковую артикуляцию. На этой основе возможен междисциплинарный синтез, когда происходит выработка новых знаний о природе религиозно-мистических традиций в христианстве, в том числе посредством рассмотрения их места и функции в соответствующей религиозной культуре.

В целом отметим, что культурологическое знание проходит, как и любое дисциплинарное образование, закономерные этапы своего становления: от оформления в качестве научной дисциплины к междисциплинарному взаимодействию гуманитарных наук и далее – к синтезу. В этом смысле синтез всегда связан со своего рода переплавкой и трансформацией, а не с механикой соположения во внутреннем пространстве культурологии.

Более того, современное культурологическое знание в целом и в его сегменте, который мы рассматриваем, нуждается в работе по осуществлению синтеза в целях продумывания тех буферных зон и границ, которые могли бы стать основой для формирования смыслового поля культурологии, способного на фундаментальном уровне проникнуть в природу религиозно-мистической культуры христианства. Но здесь необходимо очертить и возможные пределы междисциплинарного синтеза, так как культурология рассматривает эти традиции, в особенности, если они соответствуют статусу мистического богословия, в качестве достояния духовной культуры. В свою очередь, богословие усматривает в них либо достояние церкви, либо результаты искажения церковной жизни и религиозного опыта христианства. С учетом многообразия христианских деноминаций, традиция, ценящая в одной деноминации, может не иметь значения в другой. Как отмечает Е. Г. Балагушкин (2008), «с конфессиональных позиций мистика всегда трактуется на основе определенной вероучительной парадигмы, не вполне высвечивающей в силу своих приоритетов ее место и значение в координатах объективной социокультурной и личностной действительности» (с. 17).

Поэтому перед культурологией невольно возникает сложная задача, связанная с оценкой тех или иных христианских религиозно-мистических традиций с точки зрения их аутентичности и подлинности, означающих

меру их значимости для религиозного сообщества в целом или его отдельных групп, отличающихся замкнутостью девиантного характера. Может ли культурологическое знание быть нейтральным как с ценностной, так и с религиозно-догматической точки зрения? Следует ли культурологии с одинаковой беспристрастностью относиться ко всем религиозно-мистическим практикам, возникшим в лоне христианства, без использования оценочной шкалы «церковная мистика – сектантская мистика», «аутентичная мистика – еретическая мистика»? На наш взгляд, культуролог, исследующий религиозно-мистический опыт христианства как одну из разновидностей не только религиозного, но и мистического, свободен придерживаться различных мировоззренческих взглядов, тем более что он может принадлежать к культуре, не имеющей корней в христианстве. Именно это открывает, в сущности, возможность сохранения объективности и беспристрастности культурологического знания в рассматриваемой области и позволяет осуществить взвешенное сопоставление мистических традиций в рамках христианства, а если идти еще далее – предпринять их сопоставление с иными религиозно-мистическими традициями, принадлежащими другим религиозным культурам.

И, тем не менее, в поле внимания культурологии не может не оказаться вопрос о фактической напряженности между различными мистическими практиками внутри христианства, которая инициируется далеко не самими субъектами данного опыта (как таковые, они весьма далеки от этого), а представителями теологического и религиозно-философского сообщества. Но для культурологии – все это не более чем пример напряженности и дискуссионности исторического пространства религиозно-мистических исканий в христианстве, развертывающихся в контексте его исторического бытия. Далее религиозно-мистический опыт христианства, весьма обширный и дивергентный, может в качестве уникальной мега-традиции, а также конкретных и специфических традиций внутри нее сравниваться с инокультурными традициями (Годава, Маслова, 2018; Баранец, 2000). Достаточно перспективным представляется формирование культурологических представлений о религиозно-мистической традиции как феномене, который присущ человеческой культуре в целом. Таким образом, культурология как дисциплинарное пространство знания и познания обладает свойством открытой системы представлений.

По причине исторического динамизма культуры, которому в случае с европейской культурой свойственны нарастающие тенденции секуляризации, рассматриваемый опыт претерпевает определенную деактуализацию и превращается из живого явления, некогда имевшего место здесь и сейчас, в наследие, перемещающееся в лоно исторической памяти и удерживаемое в ней. Однако, как показывают зарубежные исследователи, это наследие не перестает быть значимым для современных духовных исканий (Nelstrop, Magill, 2009, p. X). Таким образом возникает еще одна культурологическая проекция, а именно бытие религиозно-мистического опыта в контексте исторических трансформаций культуры. Но не следует думать, что эти трансформации сопровождаются необратимой рационализацией. Напротив, в век научной революции на рубеже XIX-XX вв. наблюдался взрыв увлечения эзотеризмом и оккультизмом. Именно этот период характеризовался такой социокультурной ситуацией, когда происходила утрата религиозной идентичности европейской культуры. Вследствие повышения идентификационной неопределенности зарождались предпосылки для научного осмысления мистического опыта как такового и религиозно-мистического опыта в его составе. Это привело к активизации механизмов культурной памяти, что оживило образы деактуализированной традиции. Отмеченные процессы не могут не войти в предметную заинтересованность культурологии.

Как нам представляется, подобного рода экспликации приводят к постановке уже более общего и философски емкого вопроса о том, как соотносятся культура и религиозно-мистический опыт, а также о том, как культура, будучи способом человеческого бытия, в нем проявляется. В данном случае возникает ситуация, когда к культурологическому познанию религиозно-мистического опыта необходимо подходить с позиции тех или иных представлений о том, какова сущность и назначение культуры. Впрочем, культурологическое познание всегда встроено в содержательный формат подобного рода концептуализаций.

В дополнение к этому проникновение, насколько это возможно в пределах, разумеется, дисциплинарного подхода к христианскому религиозно-мистическому опыту, в его архетип и архитеконику позволяет обогатить понимание сущности духовной культуры как таковой через усмотрение ее многообразия. Поэтому христианскую мистику вряд ли следует рассматривать в качестве всего лишь страницы в истории культуры или же как феномен, представленный особым процессом духовных переживаний в ходе общения с божественной реальностью в пространстве парадигмы христианства и присущего именно ему архетипа религиозного опыта.

Из сказанного следует, что культурология не представляет собой всего лишь пространство эмпирического познания: она отличается способностью перехода к философским обобщениям. Сформулируем гипотезу о том, что религиозно-мистический опыт проливает свет на саму природу культуры. Иными словами, культура как специфически человеческий способ бытия несет в себе возможность мистического и, кроме этого, религиозно-мистического опыта, вследствие чего здесь возникают вопросы наибольшей степени обобщения, входящие в междисциплинарное пространство культурологии и философии культуры. По мнению авторов статьи, изучение религиозно-мистического опыта христианства сквозь призму рефлексии, локализуемой в данном междисциплинарном пространстве, может привести к эвристически ценным результатам.

Конечно, культурология и философия культуры не ставят своей главной целью формирование новых подходов к пониманию сущности и предназначения данного опыта для религиозной жизни. Это, скорее всего, предмет заинтересованности религиоведения. Их рефлексия решает другую задачу, а именно – уточнение родовых источников культуры. Но если философия культуры направлена на понимание основных контуров данной разновидности духовного опыта, но при этом как бы оставляет за скобками его внутреннее многообразие и растворяет его в религиозно-мистическом опыте как таковом, то культурология, напротив, призвана

усматривать его конкретно-историческое многообразие как манифестацию трансцендентных основ культуры в контексте той или иной исторически развертывающейся религиозной парадигмы.

Итак, для философии культуры наибольший интерес представляет сущность данного опыта, заключающегося в трансцендировании земного человеческого бытия. Подобный вектор – весьма важный аспект культуры, одновременно свидетельствующий об особом модусе бытия человека, к которому последний не только способен, но и более того – призван. Весьма показательно, что общий стержень такого призвания продуцирует весьма многообразную феноменологию, закрепляемую в разных традициях. В нашем случае само возникновение христианской мистики со всем присущим ей многообразием не только привнесло нечто новое в панораму общечеловеческой религиозно-мистической культуры, но и зафиксировало принципиальную новизну в трансцендентном аспекте культуры. Данного рода новизна – это предмет, который погружен в междисциплинарное пространство теологии, религиозной философии, философии религии и отчасти, конечно же, культурологии. Разумеется, каждая дисциплина осуществляет познание этой новизны сквозь призму своего предмета и метода.

Собрание уникальных творений и произведений культуры как ее эмпирия возможно в том случае, когда само ее ядро принадлежит Иному: оно может быть понято как трансцендентальный мир ценностей, Божественный мир и т.д. Согласимся с тем, что состав мира не следует смешивать с Абсолютом, который бытийствует за пределами этого мира по принципу платонического Иного. Как отмечал в свое время Л. Витгенштейн (1994), «смысл мира должен находиться вне мира» (с. 70). В нашем случае, подобного рода собрание представлено артефактами культуры христианского религиозно-мистического опыта, во многих случаях оформленного в качестве устойчивых духовно-мистических практик. Примечательно, что смысл этих практик уже изначально вынесен за пределы мира и состоит в экзистенциальной коммуникации с Богом, не всегда четко очерчиваемой канонами христианской догматики.

С этих позиций роль интересующего нас опыта в рамках культуры и его значение для культуры достаточны понятны: это осуществление и поддержание смыслообразования. Здесь следует вспомнить мысль Д. В. Пивоварова (2011) о том, что тайна любой культуры есть ее религия, и что она придает всем наиболее ценным личным и общественным идеалам сакральный статус и непреложность нравственного исполнения. Однако данную мысль можно уточнить и указать на то, что тайна самой религии заключена в религиозно-мистическом опыте, который осуществляется под ее сенью. Поэтому культурология не должна осуществлять лишь только эмпирическое описание тех или иных аспектов этого опыта, но призвана к концептуализации его функции в культуре, в частности, в религиозной культуре, но не только.

Думается, что во внимание следует принимать то, что, несмотря на идентификацию различных религиозно-мистических групп, в том числе философско-мистических, именно в качестве христианских, в них заметны содержательные вариации, вплоть до наличия или отсутствия следов неоплатонической мистики и мотивов пантеизма. Углубление в данные различия – скорее предмет религиоведения, нежели культурологии. Но если религиоведение призвано исследовать характер и степень выраженности в разновидности данных вариаций вероучительных моментов, то цель культурологии – осмыслить их с точки зрения феноменов религиозной культуры, которые одновременно проливают свет на саму природу культуры.

Дисциплинарная матрица постижения культуры, характерная для философии культуры, отлична от дисциплинарной матрицы культурологии, т.к. представляет собой более масштабное и своего рода специализированное проникновение в природу культуры. Как отмечается в литературе, это такое различие, которое имеет место между теорией высшего уровня и теорией среднего уровня (Культурология, 2014, с. 13-14). Как следствие, философия культуры позволяет усмотреть в религиозно-мистическом опыте христианства не просто многообразие мистических культур и традиций, причудливым образом дистанцирующихся друг от друга в едином пространстве христианства, а также выстраивающихся по линии «доминанта – периферия – маргинальная окраина», но именно основные константы религиозно-мистического опыта христианства в качестве одной из частей спектра духовности человека как неотъемлемой части трансцендирующего бытия, выступающего одной из наиболее сущностных сторон культуры.

Со своей стороны культурология также обладает возможностями выхода к такому пониманию. В данном случае имеет место ее междисциплинарный синтез с философией культуры. Согласно модели структуры культурологического знания А. Я. Флиера (2017), верхние этажи культурологии связаны с осмыслением сущности культуры в содержательном формате ее онтологии и аксиологии. В качестве онтологического основания культуры может быть рассмотрена эйдетическая идея и связанные с ней религиозные практики, в пространстве которых человек достраивает себя до некоего совершенного существа, тем самым выполняя свое метафизическое предназначение, составляющее квинтэссенцию его сущности, а именно обожение, новую парадигму которого принесло с собой христианство. А здесь возникает перспектива формирования новых рубежей эпистемологии христианской мистики. Вместе с тем, такие результаты возможны на основе междисциплинарного пересечения культурологии и философии культуры, с одной стороны, и теологии и философии религии – с другой. Это позволит раскрыть новые горизонты понимания трансцендентных оснований культуры, а в свете возникновения новых смысловых рядов в понимании сущности культуры могут возникнуть новые представления в понимании феномена современного кризиса культуры и возможных путей выхода из него.

Применительно к собственно культурологическому анализу достаточно сложно в рамках простой эклектики рефлексировать целое, формировать смыслы, укорененные в символических цепочках. Расшифровка смыслов невозможна без возведения исследовательской позиции в ранг синтетической, пример которой

продемонстрировали А. Ф. Лосев, М. М. Бахтин и С. С. Аверинцев. В нашем случае речь идет не столько о религиозной культурологии, принадлежащей к определенной конфессии, сколько об общих эйдетических фигурах смысла как результата своеобразного «погружения» предметности культуры в духовно-ценностный контекст, соотношения с определенной системой отчета (Коняхина, 1998, с. 22). Рефлексия над этими основаниями дает возможность встретиться разным исследовательским направлениям в изучении культуры: от богословских традиций – до светских. При этом сами традиции осмысления религиозно-мистического опыта, а не только он сам по себе, вполне выступают в качестве разновидностей духовно-интеллектуального наследия.

Заключение

Христианский религиозно-мистический опыт как предмет культурологии образует собой многоаспектную систему проекций. На эмпирических «этажах» культурологического знания он представлен в качестве разнообразия артефактов (текстов), а также образов жизни мистиков и религиозных аскетов. Сюда также входит символика событий мистической по своей природе экзистенциальной коммуникации с Богом. Данная символика рассматривается как особый спектр символов духовной культуры. На верхних же «этажах» культурологические проекции христианской мистики выступают в качестве уникальной манифестации трансцендентных основ человеческой культуры. В этом смысле важно не только то, что свачено в предметно-содержательном дискурсе, но и то, что является фигурой умолчания, вне экзистенциальной вовлеченности в пространство которой христианский религиозно-мистический опыт и его феномены были бы невозможны.

Финансирование | Funding

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44095 («Многообразие теологических, философских и научных подходов к постижению феномена христианского религиозно-мистического опыта: горизонты и пределы междисциплинарного синтеза»).

The reported study was funded by the RFBR according to research project № 21-011-44095 (“The diversity of theological, philosophical and scientific approaches to comprehension of the phenomenon of Christian religious and mystical experience: Horizons and limits of interdisciplinary synthesis”).

Источники | References

1. Балагушкин Е. Г. Аналитическая теория мистики и мистицизма // Мистицизм: теория и история / отв. ред. Е. Г. Балагушкин, А. Р. Фокин. М.: ИФРАН, 2008.
2. Баранец А. А. Мистика в христианской и мусульманской культурах: компаративистский подход: дисс. ... д. филос. н. Ростов-на-Дону, 2000.
3. Витгенштейн Л. Философские работы. Часть 1. М.: Гнозис, 1994.
4. Годова М., Маслова А. В. Мистические традиции в духовной культуре Запада и Востока (обзор «круглого стола») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 5.
5. Жиртуева Н. С. Философско-мистические традиции мира. 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М, 2019.
6. Коняхина И. В. Проблемы теории культуры: курс лекций. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1998.
7. Культурология: учебник / под науч. ред. д. филос. н. Г. В. Драча. 2-е изд. М.: Кнорус, 2014.
8. Малевич Т. В. Теории мистического опыта: историография и перспективы. М.: ИФРАН, 2014.
9. Мертон Т. Христианская мистика. Тринадцать лекций монаха-трапписта. М.: Издательство ББИ, 2020.
10. Пивоваров Д. В. Культура и религия: три модели базиса культуры // Религиоведение. 2011. № 2.
11. Сведенборг Э. О небесах, мире духов и об аде. М.: Пальмира, 2016.
12. Симеон Новый Богослов. Творения и гимны. М.: Directmedia, 2015.
13. Стобер М. Компаративные исследования мистицизма // Философия религии: аналитические исследования. 2017. Т. 1. № 1.
14. Флиер А. Я. Проект структуры культурологического знания // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3.
15. Цветочки Франциска Ассизского. СПб. - М.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2017.
16. Шохин В. К. Определение мистического: первый опыт экспозиции // Философия религии: аналитические исследования. 2017. Т. 1. № 1.
17. Light from Light: An Anthology of Christian Mysticism / ed. by L. K. Dupré and J. A. Wiseman. Mahwah: Paulist Press, 2001.
18. Mabry J. R. Growing into God: A Beginner's Guide to Christian Mysticism. Wheaton: Quest Books, 2021.
19. McColman C. The Big Book of Christian Mysticism: The Essential Guide to Contemplative Spirituality. Charlottesville: Hampton Roads Publishing, 2010.
20. Nelstrop L., Magill K. Christian Mysticism: An Introduction to Contemporary Theoretical Approaches. Abingdon: Routledge, 2009.

Информация об авторах | Author information**RU**

Шугуров Марк Владимирович¹, д. филос. н., доц.
Костина Ольга Викторовна², д. филос. н., доц.
^{1,2} Саратовская государственная юридическая академия

EN

Shugurov Mark Vladimirovich¹, Dr
Kostina Olga Viktorovna², Dr
^{1,2} Saratov State Law Academy

¹ shugurovs@mail.ru, ² kostina1965@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.10.2021; опубликовано (published): 20.11.2021.

Ключевые слова (keywords): культурология; христианский религиозно-мистический опыт; коммуникация Бога и человека; сущность культуры; culturology; Christian religious and mystical experience; communication between God and person; essence of culture.